

А. И.
ЛЕВИТОВ

Сочинения

Александр Иванович Левитов

Расправа

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=657345

*А. И. Левитов. Сочинения в одном томе: Гослитиздат; М.;
1956*

Аннотация

«Солнце совсем уже село. Вечер набросил на село свои мягкие тени. Из садов, из ближнего леса, с реки и полей пахло чем-то наводящим тишину на душу и дремоту на тело.

Вот по туго прибитой дороге бойко застучали колеса порожних телег, отправлявшихся в ночное; им навстречу скрипят тяжело нагруженные сжатым хлебом воза; пыльные столбы, затемнившие яркое зарево вечернего заката, постепенно приближаясь к селу, дают знать, что пастухи гонят стадо...»

Содержание

I	4
II	9
III	19

Александр Иванович Левитов Расправа¹

I

Солнце совсем уже село. Вечер набросил на село свои мягкие тени. Из садов, из ближнего леса, с реки и полей пахло чем-то наводящим тишину на душу и дремоту на тело.

Вот по туго прибитой дороге бойко застучали колеса порожних телег, отправлявшихся в ночное; им навстречу скрипят тяжело нагруженные сжатым хлебом воза; пыльные столбы, затемнившие яркое зарево вечернего заката, постепенно приближаясь к селу, дают знать, что пастухи гонят стадо. На живую руку сбитые ворота с громким скрипом отворяются навстречу стада, и вот многообразными голосами его наполнилось село от верху до самого, так сказать, до низу. Щелканье пастушеских кнутов, звонкие зазыванья баб, крики и побегушки детей за упрямыми баранами, наконец оглушающий свист лихача – помещичьего куче-

ра, мешаясь с переливами серебряного дара Валдая² и с громким топотом ухарской тройки, всполошившей все стадо, делают из сельской улицы что-то такое, от чего какая-нибудь древняя старуха, случайно выползшая из избы на божий свет, невольно схватывает себя обеими руками за голову и приседает, как бы от чьей тяжелой тукманки. Обопрется старуха о дверную притолоку и стоит – не шелохнется; и довольно долго нужно времени, чтобы дожидаться, как старый человек, опомнившись наконец, всем своим кротким и морщинистым лицом окинет уличный содом и, медленно перекрестившись, шепотом вымолвит:

– Знать, уж господь светопреставление наслал на нас!

Слышнее всего раздаётся по селу громкий бабий бас Федотовой старухи. Высокая и осанистая, стоит она у настежь распахнутых ворот коренастой избы с зелеными ставнями, с высокими скворечнями, с крыльцом из точеных балясин, и своим синим набивным сарафаном, своим ситцевым головным платком, больше всех этих принадлежностей украшающих ее избу, говорит проезжему люду, что изба эта построена первым сельским богачом, миру на удивленье, себе и

² «Дар Валдая» – образ из стихотворения Ф. Н. Глинки «Тройка» (1825): «И колокольчик, дар Валдая, гудет уныло под дугой». (В г. Валдае был колокольный завод.)

детям на доброе здоровье.

– Экое житье какое у Федотихи чудесное! По будням уж стала ситцевые платки носить, – тихомолком толкуют соседские бабенки.

– Почто же ей, милая ты моя, в ситцевых платках не ходить?.. Сказывают: старик-то ее четвериком день-ги-то меряет.

– Кы-ы-ыть! Кыть! Кыть! – зазывает голосистая старуха своих овец, и, послушные ее голосу, животные галопцем несутся в ворота хозяйкина дома.

– Раз, два, три, – пересчитывает их старуха. – Ох, чтоб вас совсем! Вишь, какие резвые: и перечесть не успеешь. Будет, бабы, тараторить-то вам! Ужинать идите! – зыкнула она на своих семерых снох, которые толковали у колодца с соседскими бабами.

– Погоди-кась маленечко, Федотьевна, ворота-то запираешь. Слухай-ка, я те скажу что-то, голубка! – издалека кричала Федотихе маленькая бабочка в сером изорванном зипуне.

– Что надоть? – нехотя спросила старуха, готовясь затворять тяжелые ворота.

– Ох, кормилица ты моя! Кричала, кричала я тебе: погоди, мол, ворота-то запираешь, а ты и не слышишь, желанная. Знамо, божья старушка не всякое слово расслышит. Пусти-кась ты меня на двор к себе. Ярочка моя к тебе с твоим табуном забежала. Я у ней, кор-

милица, ушки выстригла, – сразу узнаю. Пусти, пожалуйста, я взгляну только.

И бабочка хотела было пронырнуть мимо Федотихи на двор к ней.

– Что насилкой-то лезешь? Ай на свой двор пришла? – гневно закричала на нее сварливая старуха. – Одни только наши овцы пришли, – чужих ни одной нет. Сама видела, как пускала.

– Где тебе увидеть-то, божьей старушке? – возражала бабенка. – Ведь они резвые, овцы-то! И не увидишь, как прошнырит мимо тебя.

– Не слепей тебя! – рычала старуха. – Проваливай, проваливай от двора-то, покель цела.

– Что же ты, кормилица, затягать ее хочешь, что ли, ярочку-то? – спрашивала серая бабенка, разгораясь в свою очередь.

– Нужно мне у тебя, у нищей, последнюю ярку затягивать?.. Поклонись приди, свою на бедность пожертвую. Вот что!

– Да ишь должно нужно, коли на двор не пускаешь.

– А не пуцу – и только. Вот те и вся недолга!

Дальше да больше, слово да другое – и закипела брань. А там за каменя, – насилу мужики розняли. Серая бабочка была прогнана в три шеи сыновьями Федотихи.

– Из ума выжила, старая кочерга! – покрикивал на

свою старуху Федот. – Не было за что людям осуждать, так она драться на улице выдумала. Старость твою стыдить не хочу, а плетюганом взбодрить бы надо тебя...

– Ра-а-збойники! – шумела серая бабочка с другого конца села. – Затянули ярку к себе, да еще и хозяйку прибили.

– Что это, в самом деле, Федотовы ребята расхотелись? – толковали старики, сидя на завалинах. – Словно это они, деньги имеючи, суда на себя знать не хотят. У вдовой последнюю ярку боем отбили! Точно, что следствием завтра за такой ихний разбой в правление всю их семью притянуть.

Вместе с росой, обильно напоившей пожженные летним солнцем травы, пала на село тихая ночь. Вместо людской крикливой жизни по сельским улицам и огородам, по реке, лесу и окрестным полям разлилась могучая молчаливая жизнь ночи; какими-то живыми, приковывающими к себе глаза молниями засверкали на месячных лучах речные волны; из леса полетел чей-то шепот, как бы мощное дыхание какое; в дальнем поле чуть слышно курлыкали журавли. Ежели вы когда одни смотрели в глухую полночь на сельскую природу, – не заметили ль вы, как в это время обнимает человека что-то такое, от чего сладкий трепет вливается в сердце и дыбом поднимается волос?..

II

Утро. На крыльце волостного правления и расправы кипит огромный ярко вычищенный самовар. Дымные клубы, вылетающие из него, расстилаются по всей улице и далеко отогнали с крыши воробьев, ласточек и других мелких пташек: расселись они по соседним плетням и деревьям и так-то громко чирикают, словно бы ругают едкий дым, согнавший их с привычной насести, или бы хотят развеселить волостного писаря, который, «расклеимшись маленечко» со вчерашнего похмелья, пьет чай на вольном воздухе, ежеминутно поджидая кого-нибудь из обывателей, с кого бы можно было сдернуть по крайности на полуштоф.

– Погляжу, погляжу я на тебя, Василий, мало, братец ты мой, политики в тебе! – говорит писарь своему сторожу, который завтракает огромным ломтем черного хлеба, посыпанным крупною солью. – Натура у тебя самая что ни есть необузданная!

– Што так? – спрашивает Василий.

– Да так! Образованных обычаев ничуть ты не знаешь. Не успел ты, музлан, со сна бельмы протереть, а краюху уписал как следует. Инда мне тошно смотреть на тебя.

– Эфто, Микита Иваныч, от того вам тошно, что вы

вчера очень много вина этого красного пили. Кабы стали, то ись, по одной сивухе ходить, никакого бы, истинно, сумнительства не было.

– Пустяки ты это рассказываешь. Я таперича, кроме как красного, в рот ничего не возьму, потому ты рассуди: что благороднее – красное или простое?

– Точно что, Микита Иваныч, красное малость по-благороднее, зато сивуха – занятнее.

– По морде бы тебя хватить – еще бы занятнее было; да вот вставать лень.

– Ах, и чудачки же вы, Микита Иваныч, страсть какие надсмешники! Только хоть бы што, а Федот Иванов беспрерывно к вам в правление валит на Козлиху жалиться. Старуху его вчера вечером страсть как Козлиха-то избранила.

– А вот мы их рассудим, – сказал писарь – Здравствуй, дядя Федот, – отнесся он к богачу. – Подсаживайся-ка вот к самовару: погреемся.

– Это нам к руке, – согласился Федот. – Только будь милостив, Микита Иваныч, пошли-кась ты Василья-то за пол-осьмухой, потому как нам дело до тебя есть, так угостить, поди, тоже потребуется.

– Да уж это как есть. Безотменно потребуется. Были тут у меня вчера барышники из города, вволю красным употчевали; так оно теперь и тово... выпить-то, дружище, самое что ни есть любезное дело будет.

– Вот она, сладость-то! – шутил сторож, вынимая полуштоф и предчувствуя здоровенную выпивку.

– А знаешь ли ты, грамотный человек, – спрашивал у писаря Федот, наливая ему водки, – кто самому этому вину главная причина и отец?

– Ничего мы эфтова не знаем, – отвечал писарь, – кроме как ежели вот дерябнешь с похмелья стаканчика три-четыре, так оно словно повеселее на животе делается.

– А я тебе про эту причину расскажу. Шел черт по горе...

– погоди с разговорами-то: я вот еще приспособлю, – перебил его писарь. – Заодно разоряться-то.

– На доброе здоровье... А под горой мужик землю пашет.

– Не так ты, Федот Иванович, описывать начал, – вмешался сторож. – Оба они, примером, под горою бывши...

– Сидел бы, музланище, да слушал; перенимал бы, как поумней тебя люди разговаривать станут, – настаивательно заметил сторожу писарь.

– А я к тому, Микита Иванович, разговор подгоняю... – оправдывался Василий.

– А ты вот выпей лучше, – угощал его дядя Федот. – А поправлять меня вряд ли, надо полагать, придется тебе.

– Где нам!.. К слову пришлось, – благодарно согласился Василий, учтиво принимая стакан.

Проходившие мужики, чувствуя в воздухе полугарную струю, лакомо облизывались. Федот Иванов радушно приглашал всех, кто был побогаче и позначительней. Выпивка с каждой минутой принимала все более и более широкие размеры, и скоро правленское крыльцо все, так сказать, зачерпнулось разными сельскими тузами. Сторож Василий бойкой иноходью раза два бегал в кабак, и уже не с полуштофом, а с пузатую четвертную бутылью.

– Запили наши мироеды, должно быть, на много рублей, – с завистью толковали не попавшие в пир мужики.

– Козлихе теперича, бедной, надо думать, дюже достанется, потому всех горлопятав-то Федот Иванов на правленское крыльцо пить созвал, – соболезнавали бабенки.

И действительно, с правленского крыльца по всему селу раздавалось пьяное гуденье, обрекавшее на погибель серую бабочку, разбранившуюся вчера с Федотовой старухой. Голос угостителя покрывал собою голоса всех.

– Известно, бабы люты на брань, – толковал он собранию, обнося всех водкой. – Потачки своей старухе я не дал, потому ярка Козлихина в самом деле ко

мне на двор забежала. Только рази могла Козлиха сыновей моих ворами и разбойниками, а меня жидом и иудой ругать? Хорошо она это сделала или нет?

– Што тут хорошего... – согласно отвечали прихлебатели.

– Приятности тут точно что малость, – поддерживал писарь, заряжаясь под шумок стаканищем.

– Бездельница она выходит, Козлиха-то, вот что! – с тихой, но просящей улыбкой ввернул свое словцо сторож Василий.

– Што же ты, братец ты мой, по очереди ко мне не подходишь? – с удивлением спросил его дядя Федот.

– Да так, Федот Иваныч; не пристойно нам, малым людям, вравне с богатыми компанию держать, – вежливо отвечал Василий, выламывая стакан.

– Поруху она чести моей великую нанесла, – ораторствовал дядя Федот. – Опять же, в бедности такой находимшись, Козлиха богатому человеку должна уважение всякое воздавать, а она вот куда затесалась – в брань! Ежели бы она с старухи моей за лютость ее не взыскала, я к ярке-то ее баранчика своего еще бы придал; а она, про богачество мое позабывши, сама, сказываю, при бедности при своей пустилась в брань.

– В брань? – раздавалось в толпе. – Ах ты господи!

– Следует ее теперича сюда привести и наказание мирским судом положить, – за то я вас и пою, –

закончил дядя Федот.

– Как не наказать? – согласно запел хор. – Бабенка она вдовая, убогая; уму-разуму беспрерывно научить ее надоть.

– Мы это живо скомандуем! Мы ее, Козлиху безрогую, с одного маху сюда предоставим, – улыбался сторож, накидывая на плечи дырявый армячишко.

– Ббу-у-у! Трры-рр-ры! – заревела пьяная толпа на предоставленную с одного маху Козлиху.

– Ты какими делами занялась? – азартно спрашивал ее писарь.

– Почто ты людей почище себя обижаешь? – кричали из толпы.

А Козлиха стоит так-то, сама в землю потупилась, красная вся. И конфузно-то ей и досадно, потому зло взяло, что за ее же добро ее же и судят теперь на миру и ругают.

– Православные! – взмолиться она было со слезами попробовала, – вы ведь все кресты носите...

А сама перед крыльцом наземь упала, как бы в ноги всему сходу кланялась.

– Вот, сейчас умереть, пречудная бабенка какая! – с насмешливой улыбкой толковал Козлихе арестовавший ее сторож. – Нечего в ногах-то валяться, а лучше штраф приготовь поскорей, потому без штрафа тебе быть невозможно. Рази не видишь, глупая, какая тут

машина вина выпита? Должна ли ты после того нас угостить, али нет? Сказывай?

– Васильюшка! Кормилец ты мой! Где же я теперича возьму этот самый штраф?

– Ах ты голова с мозгом! – возражал ей Василий. – Рази мир-то без угощения когда расходился? Ему, уж коли он собрался, вот как надобно выпить – вплоть!

– Веди-ка ты ее, Василий, без разговора в чулан, – скомандовал писарь. – Мы ее там ублагоотворим. Перестанет она с богатыми людьми в ругательство вступать.

– Отец родной! Микита Иваныч! – завопила Козлиха. – За какую же провинность в сарай меня весть велишь?

– Разговаривай! – крикнул писарь.

Сторож как бы колебался тащить бабенку.

– Я так полагаю, Микит Иваныч, как мое рассуждение есть, может, она насчет штрафа осилит как-нибудь, – вмешался он.

– Вправду, может, она как-нибудь на четвертинку собьется. Выпить бы теперича, признаться, знатко бы, – вступились мужики.

– Штраф штрафом, – возразил заступникам дядя Федот, – а блох из нее выпужать беспрременно следует, потому я вас для самого этого дела и вином поил.

– Ну ин в самом деле, ребята, прохворостить ее.

Што же мы, вправду, задарма, што ли, вино-то пили? – единодушно согласились на крыльце.

Василий потащил Козлиху в пожарный сарай... а между тем услужливая сходка с шумом и гарканьем распивала третью четверть благодарного дяди Федота.

– Вот те и вся недолга! – радостно вскрикнул сторож, взбегая на крыльцо. – Пробрал я ее, как и быть надоть. До новых веников не забудет.

Козлиха съежилась в своем изорванном зипунишке, так что казалась гораздо меньше, чем на самом деле.

– Милая ты моя, – наставительно сказал ей толстый мужик, сходя с крыльца, – поклонись теперь миру да за штрафом как можно скорее сходи. Акромя того, делать тебе здесь нечего. Бежи-кась.

– За что же я буду платить штраф? И где я его возьму? – зарыдала Козлиха.

– Мир тебя на ум наставил, а ты его попоштовать не хочешь? Это, я тебе сказываю, большой ты грех на себя принимаешь, Козлиха, – резонировал толстяк, покачиваясь. – Ты то теперича возьми: чем ты господу богу угодить можешь? Постом и молитвой! Это я тебе истинную правду сказываю. Ты ее и понимай.

– Кормилец ты мой! Да я бы радостью рада, только всего-то на все и денег-то у меня дома два пятака да

трынка. Как же вы – эдакая-то ли вас сила сидит на крыльце – пить на них будете?

– Об этом ты не сумлевайся. Об силе у нас другие разговоры будут. А теперича, как всем нам выпить очень нужно, так мы у тебя и избу пропьем, и кур пропьем, и ярку, потому спорить тебе одной со всем миром никак нельзя.

– Это точно! – запел хор на крыльце.

– Как же возможно тебе против всего мира идти, глупая ты эдакая? – суетливо спрашивал у Козлихи сторож Василий. – Думать-то об этом, и то нашему брату не приходится.

– Буде, ребята, по-пустому разговаривать с ней, – повел свою речь дядя Федот. – Много ли она со всей худобой-то своей стоит! Грош ей цена и с худобой-то! А вы вот как, я вам скажу, штраф стешите с нее: только бы согласие ваше вышло, а то упоштоваться во как можно! По горло!

На лицах присутствующих изобразилось самое почтительное внимание.

– Знаете вы, православные, убогая баба Козлиха, вдовая, ни роду, ни племени нет у нее. Так я теперича за избу ее даю пять рублей, за двор и за животи-ну, какая у ней есть, тоже пять рублей. Пусть на миру знают, што не притеснитель я какой, не грабитель, а, примером, на убожество ее взираючи, призреть хочу.

За ее самое, ежели, то ись, присудить вам захочется эдак, даю десять рублей за посмертную кабалу.

– Счастье к тебе невидимо подвалило, – завидовал Козлихе сторож. – Перекрести рожу-то: в богатом доме жить будешь.

– Это что же такое, Федот Иваныч, – загудели мужики. – Отчего не присудить? Присудить так можно, потому она баба вострая: работать будет исправно.

– Ну так, значит, бежи за ведром, Василий, – обратился Федот к сторожу.

– Это мы с одного маху.

– Отцы родные! – закричала Козлиха. – Ведь старуха-то Федота Иваныча поедом меня живую съест, коли вы так-то присудите.

– Счастья своего не понимаешь! – сказал ей толстый мужик.

– Истинно, господь-то велик и многомилостив к сирым, – закончил рыжий дьячок, тоже затесавшийся в мирскую ватагу.

III

Опять вечер, только уж поздний вечер. И стадо давно пригнало, и в ночное уехали. Тишь обняла сельскую улицу, млеющую от ласк прохладной росы ночной, задумчивую и печальную улицу, которую, как бы пугливую молодую невесту, жених-месяц обливает своими золотыми и серебряными блестками.

– Вот чудесно мы Козлиху просватали, – говорил соседу урезонивавший ее толстый мужик, возвращаясь с ним с великого пира.

– Просватать-то мы, сусед, точно что ее просватали, только же и миру суд у господа бога, сам знаешь, будет какой! Не будет там отлички-то богатым от бедных, пойми ты это. Ведь мы ее, Козлиху-то, за ее же добро с корнем вон вырвали.

– А рази она первая? – спрашивал толстяк. – Рази теперича мир без угощенья может прожить? Опять же она не бранись! Знает, что богатый мужик, а на задор лезла. Рази он ее одну за свою обиду искоренил? Ведь видела она, что мир с ним спорить не может.

– Знаем мы эти пословицы-то: с сильным не борись, с богатым не тягайся; все же таки господа бога мы позабыли, правду в кабаке пропили...

– О господи! господи! – боязливо прошептал тол-

стый мужик, перекрестившись. – Все-то дела вино сочиняет.

– Васька! – громко раздался из глубины правления голос пьяного писаря.

– Чего изволите, Микита Иваныч? – отзывается сторож.

– Поди к Кулаковым квасу мне у них со льдом возьми. Скажи, мол, писарь велел.

– Ходил я к ним от вас онамедни: через великую силу выпросить мог. Говорят: часто вы к нам посылаете.

– А ты им скажи: «В бараний рог, мол, вас писарь согнет за такую обиду. Рази, мол, не видели, как ныне дядя Федот с Козлихой расправился». Искореню, ежели не дадут. Так и скажи.

Из угловой закутки Федотова двора по всей улице разносится громкое вытье закабаленной Козлихи.

– Поори, поори у меня еще, принцесса. Я те тогда не так еще уши-то оболтаю! – орет на том же дворе бабистая Федотова старуха. – Теперь наших рук не минешь. Сто на ассигнации мужу-то стоила ты.

– Известно, не мину твоих рук, – плачет Козлиха. – От них теперича и в гроб должна лечь.

Только и было во всем селе человеческих голосов в эту дивную пору ночи. За ее восторгающие красоты хвалили господа одни голоса животных и птиц, а люди все без исключения были глухи и слепы к чарам

полночного мира.

Грозный, как эта грозно царящая ночь, грянет некогда суд на людей и обстоятельства, которые заслепили столько глаз, не видящих чужого несчастья, которые притупили столько душ, не благоговеющих теперь перед светлым лицом природы, перед этим вечным храмом истинного бога живого.

1862